

В своих коммерческих делах он никогда не был ни романтическим идеалистом, ни социальным филантропом — лишь реально совершаемый труд и качество работы заслуживали в его глазах действительного поощрения. Заказ им самим или принятие им от кого-либо литературных произведений для издания или публикации в журнале в первую очередь мыслились им как *приобретение* пусть и творческого, но именно «товара», ценность которого определялась исключительно его литературными и концептуальными свойствами, но никогда, скажем, приятельскими отношениями. Если же ему — вынужденно — при публикации отдельных материалов приходилось (по редакционным, цензурным или политическим причинам) считаться с иными, посторонними условиями ведения дела, то и в этом случае для Некрасова всегда отчетливо существовала «цена вопроса», «превышение» которой вызывало его жесткое сопротивление. А в отношении собственно художественной «продукции» для него существен был только талант автора.

Бесспорно, для Некрасова-практика весьма значим был и «спрос» на читательском «рынке» на любой предлагаемый им «товар». Но обычная ошибка пишущих о «предпринимательских» аспектах как в деятельности Некрасова-журналиста, так, тем более, и в направлении его поэтического творчества заключается в молчаливом элиминировании авторами высказываемых оценок роли некрасовской журнальной и творческой активности. Сводить понимание «полевления» некрасовской музыки и журнальной политики редактора «Современника» к концу 1850-х годов только к результату «давления» на него изменений в политической ситуации, развития соответствующих общественных настроений, выдвижения разночинской молодежной аудиторией определенных идеологических запросов — значит не видеть в поэте и человеке Некрасове чего-то очень для его характеристики существенного. Ведь те же самые исторические и социально-идеологические факты привели многих его современников, поэтов и критиков, в лагерь «чистого искусства», других сделали творцами «антинигилистической» публицистики и романтики!

Так что «прогрессизм» Некрасова середины 1850-х годов вряд ли стал простым следствием *внешних* социальных и идеологических обстоятельств или определялся именно «ажитажным спросом» на литературном рынке. Куда более убедительной представляется версия, что открыто зазвучавшая в стихах и журнальной политике Некрасова проповедь гражданственности явилась следствием прежде всего *внутреннего* и *этического* выбора поэта и журналиста, более того, реализацией *именно ему органически присущих* (но не находивших себе поддержки в первую половину десятилетия⁴¹) духовных потенций.⁴² Да и само формирование молодежной читательской аудитории

⁴¹ Мемуаристы сохранили об этом многочисленные признания поэта. Об этом же он говорит и в своем стихотворении «Угомонись, моя муза задорная...» (1876).

⁴² Стоит вспомнить в этой связи хотя бы историю с написанием Некрасовым стихотворения «Русскому писателю», переработанного поэтом в его знаменитый программный диалог «Поэт и гражданин», отзывы о последнем его литературных приятелей Дружинина, Боткина, Тургенева и реакцию самого Некрасова на их «увещевания». См. об этом: *Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова*. С. 335—336. Вспомним также правку ключевой строки двух стихотворений: «Служи *не* славе, *не* искусству, — Для блага ближнего живи» («Русскому писателю»); «Служи *не* славе, *но* искусству, Для блага ближнего живи» (вариант, предложенный Тургеневым); «Будь гражданин! служи искусству, Для блага ближнего живи» («Поэт и гражданин») — и слова поэта из письма к Боткину: «...Люби *истину* бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи *ей*, тогда все выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу, послужишь и искусству» (ПСС. Т. 13. Кн. 1. С. 223).